

Использование специальных лингвистических знаний в судопроизводстве: дифференциация и интеграция

 В.О. Кузнецов

Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва 109028, Россия

Аннотация. В статье рассматривается влияние разнонаправленных процессов дифференциации и интеграции специальных лингвистических знаний на развитие судебной экспертологии и на практику экспертных исследований, где используются специальные знания такого рода. Показано, что оба процесса способствуют разработке теоретических и методологических положений, позволяющих экспертам решать новые и сложные задачи на более высоком качественном уровне. Роль дифференциации специальных лингвистических знаний заключается в создании новых родов и видов судебных экспертиз: автороведческой, лингвистической, криминалистической экспертизы видео- и звукозаписей, судебной экспертизы объектов интеллектуальной собственности. В то же время интеграция специальных лингвистических знаний обеспечивает развитие целого научного направления.

Ключевые слова: *судебная экспертиза, лингвистические знания, специальные знания, интеграция специальных знаний, дифференциация специальных знаний*

Для цитирования: Кузнецов В.О. Использование специальных лингвистических знаний в судопроизводстве: дифференциация и интеграция // Теория и практика судебной экспертизы. 2021. Т. 16. № 3. С. 17–25. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-3-17-25>

Application of Specialized Linguistic Knowledge in Legal Proceedings: Differentiation and Integration

 Vitaly O. Kuznetsov

The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow 109028, Russia

Abstract. The article addresses the influence of multidirectional processes of differentiation and integration of specialized linguistic knowledge on the development of forensic science and the practice of expert research, where it is used. The author highlights that both processes contribute to developing theoretical and methodological provisions that allow experts to solve new and complex problems at a higher quality level. The role of differentiation of specialized linguistic knowledge is to create new kinds and types of forensic examinations: author's, linguistic, forensic analysis of video and sound recordings, forensic research of intellectual property objects. At the same time, the integration of specialized linguistic knowledge ensures the development of the whole scientific direction.

Keywords: *forensic science, linguistic knowledge, specialized knowledge, integration of specialized knowledge, differentiation of specialized knowledge*

For citation: Kuznetsov V.O. Application of Specialized Linguistic Knowledge in Legal Proceedings: Differentiation and Integration. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2021. Vol. 16. No. 3. P. 17–25. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-3-17-25>

Введение

В настоящее время роль специальных лингвистических знаний в судопроизводстве существенно возрастает. Прежде всего это обусловлено тем, что речевая деятельность человека часто становится деятельностью преступной: в уголовном и административном праве появляется все больше новелл, расширяющих круг так называемых речевых правонарушений, состав которых образуют речевые действия. Кроме того, на возрастание роли специальных лингвистических знаний в судопроизводстве оказывают влияние активные процессы цифровизации и развития информационных технологий, что позволяет фиксировать продукты речевой деятельности: в терминологии Е.И. Галяшиной – «речевые следы», которые, попадая в сферу судопроизводства, «фигурируют как документы, вещественные доказательства, иные материалы дела, содержащие вербальные доказательства» [1, с. 8].

Это ставит перед следственной и экспертной теорией и практикой новые сложные задачи, которые требуют решения на качественно высоком уровне. Для этого необходимо разрабатывать новые средства, методы и методики, при этом важными являются процессы интеграции и дифференциации научного знания в совокупности; как подчеркивает Т.В. Аверьянова, они «выступают как наиболее существенные тенденции единого процесса познания» [2, с. 160]. Эти разнонаправленные процессы ярко проявляются в судопроизводстве в ситуации с применением специальных лингвистических знаний. Рассмотрим их по отдельности.

Дифференциация специальных лингвистических знаний

Предваряя рассмотрение процесса дифференциации специальных лингвистических знаний, обратимся к существенному для данного вопроса понятию речевой деятельности.

По мнению А.А. Леонтьева, речевая деятельность – специфический вид человеческой деятельности, который «может выступать или как самостоятельная деятельность со специфической мотивацией, составляющими которой являются речевые действия (имеющие цель, подчиненную цели деятельности) и речевые операции, или в форме речевых действий, включенных в ту или иную неречевую деятельность» [3, с. 412].

Развивая идею о двустороннем характере речевой деятельности, автор отмечает: «Речевая деятельность – это некоторая абстракция, не соотносимая непосредственно с “классическими” видами деятельности, не могущая быть сопоставленной с трудом или игрой. Она – в форме отдельных речевых действий – обслуживает все виды деятельности, входя в состав актов трудовой, игровой, познавательной деятельности. Речевая деятельность как таковая имеет место лишь тогда, когда речь, так сказать, самоценна, когда лежащий в ее основе, побуждающий ее мотив не может быть удовлетворен другим способом, кроме речевого. <...> В остальных же случаях речь – не замкнутый акт деятельности, а совокупность отдельных речевых действий, имеющих собственную промежуточную цель, подчиненную цели акта деятельности, в который они входят, и побуждаемый общим для этого акта деятельности мотивом» [4, с. 42].

Такое понимание речевой деятельности как двусторонней структуры, по сути, соотносится с идеей Е.И. Галяшиной о разграничении «речевых действий, образующих состав правонарушений», и «правонарушений, совершаемых с использованием речевых действий» [1, с. 99].

Речевые действия, образующие состав правонарушений, можно рассматривать в качестве реализации речевой деятельности как самостоятельной деятельности. Речевые действия в таком случае понимаются как часть объективной стороны правонарушения, например оскорбления, клеветы, угрозы, призыва к совершению экстремистских действий, возбуждения международной вражды, и представляют собой замкнутый, «самоценный» акт деятельности. В данном случае высказывание или текст используется как средство совершения правонарушения, как *corpus delicti* (от лат. – состав преступления, вещественные доказательства, основные улики), поскольку в нем содержатся признаки объективной стороны преступления, совершенного посредством слова [там же, с. 100].

При совершении правонарушений с использованием речевых действий такие действия включены в преступную неречевую деятельность, они, можно сказать, обслуживают ее. Так, если конечной целью преступления является дача взятки (ст. 291 Уголовного кодекса Российской Федерации) – неречевое преступное деяние, то речевые действия (обсуждение денежных средств,

их предназначения, предложение получить денежных средств и т. п.) имеют промежуточную цель, подчиненную реализации этого преступного деяния. Тогда имеет место отражение в речи фигурантов определенных механизмов совершения неречевого правонарушения, различных аспектов его состава, а именно субъекта, объективной и субъективной стороны. Во всех приведенных случаях требуется применение специальных лингвистических знаний.

История развития криминалистики и судебной экспертологии свидетельствует, что изначально специальные лингвистические знания применялись в криминалистических экспертизах видео- и звукозаписей¹ и автороведческих экспертизах; они входят в перечни традиционных криминалистических экспертиз, производимых в судебно-экспертных учреждениях (СЭУ) всех ведомств с 70-х годов XX века. В основном эти роды экспертиз назначаются с целью диагностики механизма совершения преступления, восстановления его следовой картины по речевым следам, отраженным в видео-, звукозаписях или письменных (печатных) текстах. Задачи данных родов экспертиз большей частью сводятся к установлению говорящего или автора текста (идентификационные задачи), а также способа и условий порождения речи или составления текста (диагностические задачи) [1, 5–8]. Полученные выводы правоприменители могут использовать при установлении субъекта правонарушения (например, автора анонимного письма, содержащего угрозы убийством; диктора, сообщающего о готовящемся акте терроризма), его объективной (обстановки и способа совершения правонарушения: например, составления текста автором не самостоятельно, а под диктовку другого лица; искажения речи) или субъективной стороны (например, установления состояния диктора или автора текста).

Часто и автороведческая экспертиза, и экспертиза видео- и звукозаписей имеют дело с исследованием именно речи (речевого потока)², ее формальной стороны

– плана выражения: экспертные задачи указанных родов экспертиз главным образом решают выявлением признаков разных языковых уровней.

Возвращаясь к истории криминалистики и судебной экспертологии, отметим, что ситуация использования специальных лингвистических знаний в судопроизводстве, связанная с исследованием лишь формальной стороны речи, ее плана выражения, сохранялась вплоть до 90-х годов прошлого века. Л.Г. Эджубов отмечал, что «с развитием гражданского общества фокус юридического внимания переместился с автора текста на оценку читательского восприятия текста по параметрам воздействия – толерантности, приличию, оскорбительности, побудительному потенциалу. В результате термин “автороведческая экспертиза” оказался недостаточным по объему понятия» [9, с. 173]. В поле зрения правоприменителя оказались уже не речь, а продукты речевой деятельности, их содержательная сторона, план содержания: у судебно-следственных органов возник спрос на применение специальных лингвистических знаний для решения задач, связанных с исследованием семантики текста. Данные задачи решаются в рамках судебной лингвистической экспертизы, объектом которой является не собственно речь, а продукты речевой деятельности, текст³. Появление судебной лингвистической экспертизы является реализацией такой тенденции современной судебной экспертологии, как дифференциация специальных знаний, обуславливающая появление новых родов и видов судебных экспертиз с целью удовлетворения возникающих у правоприменителя потребностей.

Задачи данного рода экспертизы, в отличие от задач экспертизы видео- и звукозаписей и автороведческой экспертизы, зависят от категории уголовного, гражданского дела или дела об административном правонарушении, связанных с речевыми действиями. Ключевая задача судебной лингвистической экспертизы сводится к установлению речевых действий, образующих состав правонарушений (в терминологии Е.И. Галяшиной). Для обозначения данных речевых действий использованы обще-

¹ Данное название принято в СЭУ Минюста России. В других ведомствах данный род экспертизы называется: «фоноскопическая экспертиза» (МВД России, СК России), «фонографическая экспертиза» (ФСБ России). Национальным стандартом Российской Федерации ГОСТ Р 58332-2018 закреплен термин «судебная экспертиза фонограмм».

² Что отражается в том числе в названиях экспертных специальностей в СЭУ Минюста России: автороведческая экспертиза – 2.1 «Исследование письменной речи», экспертиза видео- и звукозаписей – 7.1 «Исследование голоса и звучащей речи».

³ Что отражается в том числе в названиях экспертных специальностей: 26.1 «Исследование продуктов речевой деятельности» (в СЭУ Минюста России), 12.1 «Исследование текста письменного документа или устного высказывания в целях решения вопросов смыслового понимания» (в ЭКП МВД России).

Рис. 1. Дифференциация специальных лингвистических знаний в системе судебно-экспертных учреждений Минюста России

Fig. 1. Differentiation of specialized linguistic knowledge in the system of expert institutions of the Russian Ministry of Justice

употребительные слова русского языка, которые, перейдя в законодательство, стали правовыми терминами и понятиями. Вместе с тем в их основе лежит соответствующее речевое действие, лингвистический феномен, т. е. они имеют лингвистическую природу. Для формулировки экспертной задачи лингвистической экспертизы существенно, как законодатель назвал это речевое действие, как оно раскрыто в правовой норме, а также как соотносятся правовое и лингвистическое наполнение юридических терминов, обозначающих нормы права. В этой связи Е.И. Галяшина подчеркивает: «Эксперты нередко оказываются перед сложной проблемой отличить лингвистическую трактовку речевого нарушения от правовой квалификации объективной стороны речевого деяния как состава правонарушения» [10, с. 186].

В этом аспекте судебная лингвистическая экспертиза сближается с судебной психологической экспертизой информационных материалов [11], задачи которой также зависят от той или иной категории уголовного, гражданского дела или дела об административном правонарушении, связанных с речевыми действиями.

Процесс дифференции специальных лингвистических знаний идет и в настоящее время. Приказом Минюста России от 17.05.2021 № 77⁴ в качестве нового рода экспертиз, выполняемых в системе СЭУ Минюста России, была введена экспертиза объектов интеллектуальной собствен-

ности⁵. Объекты интеллектуальной собственности, а именно товарные знаки и объекты авторских и смежных прав, до этого являлись традиционными объектами судебной лингвистической экспертизы (см., например, [12, 13]). Новый род экспертизы интегрировал не только лингвистические, но и знания из других судебных экспертиз [14–16].

Итак, нами выделены четыре рода судебной экспертизы, при производстве которых используют специальные лингвистические знания: криминалистическая экспертиза видео- и звукозаписей, судебная автороведческая и судебная лингвистическая экспертизы, а также судебная экспертиза объектов интеллектуальной собственности. Таким образом, развитие специальных лингвистических знаний в системе СЭУ Минюста России идет по пути дифференциации (рис. 1).

Интеграция специальных лингвистических знаний

Одновременно с дифференциацией в настоящее время наблюдается процесс интеграции специальных лингвистических знаний. Это проявляется прежде всего на классификационном уровне, а именно в выделении общего класса, объединяющего вышеуказанные роды экспертиз.

Экспертиза видео- и звукозаписей, автороведческая и лингвистическая экспертизы относятся к классу криминалистических экспертиз. Это вполне объяснимо в случаях криминалистической экспертизы видео- и звукозаписей и судебной автороведческой экспертизы. Отнесение же судебной лингвистической экспертизы к классу криминалистических, по нашему мнению, объясняется традицией. В системе СЭУ Минюста

⁴ Приказ Минюста России от 17.05.2021 № 77 «О внесении изменений в приложения № 1 и № 2 к Приказу Минюста России от 27.12.2012 № 237 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России».

⁵ Экспертная специальность 29.1 «Исследование объектов интеллектуальной собственности».

Рис. 2. Классификация криминалистических экспертиз Т.В. Аверьяновой
Fig. 2. Classification of forensic examinations by T.V. Averyanova

России судебная лингвистическая экспертиза генетически связана с судебной автороведческой экспертизой, в рамках которой она существовала изначально.

В 2015 г. ведущий государственный судебный эксперт Т.М. Изотова подготовила программу подготовки экспертов по специальности 2.1 «Исследование письменной речи» (утверждена приказом Минюста России от 01.10.2004 № 160), где представила тему «нестандартные исследования письменной речи», раскрывающуюся как «анализ практики исследования различных текстов: рекламы, по делам о защите чести и достоинства, толкование слов и словосочетаний и т. п.» [17]. Данная тема связана уже не с традиционными автороведческими задачами, а с задачами, характерными для современной лингвистической экспертизы.

После появления в системе СЭУ Минюста России в 2006 году судебной лингвистической экспертизы как самостоятельного рода автороведческая и лингвистическая экспертизы развивались параллельно: в первой программе подготовки экспертов по специальности 26.1 «Исследование продуктов речевой деятельности» автороведческие исследования были представлены в качестве одного из видов судебной лингвистической экспертизы. В связи с этим вслед за автороведческой экспертизой судебная лингвистическая экспертиза была отнесена к классу криминалистических. Так, в классификации А.Р. Шляхова судебная лингвистическая экспертиза рассматривается как одна из криминалистических экспертиз наряду с такими традиционными родами экспертиз, как почерковедческая, автороведческая, фототехническая, трасологическая, фонографическая, портретная и др. [18, с. 165].

К криминалистическим данным родам экспертиз относилась Т.В. Аверьянова. По ее мне-

нию, криминалистические экспертизы включают в себя три рода экспертиз: 1) традиционные криминалистические экспертизы; 2) род новых видов экспертиз, сформировавшихся в последние десятилетия; 3) самостоятельные роды экспертиз. Лингвистическая, автороведческая и видеофоноскопическая экспертизы в соответствии с данной классификацией относятся к роду новых экспертиз, сформировавшихся в последние десятилетия [19, с. 208–209] (рис. 2).

Согласно точке зрения Е.И. Галяшиной, рассматриваемые роды экспертиз относятся к классу судебных речеведческих экспертиз, в котором они объединены по признаку использования специальных знаний в области исследования продуктов речевой деятельности (речи). По ее мнению, судебные речеведческие экспертизы «основаны на сфере знаний о процессе речевого производства, восприятии и активной интерпретации устных и письменных текстов реципиентом с учетом разнообразных экстралингвистических источников информации (речевой ситуации, контекста, невербальных средств и т. д.)» [1, с. 131]. Таким образом, Е.И. Галяшина объединяет в отдельный класс экспертизы, объектом которых являются речь и продукты речевой деятельности, исходя из общности специальных лингвистических знаний, служащих источником формирования теоретических и методических основ, входящих в данный класс родов судебной экспертизы.

Созданное Е.И. Галяшиной направление «судебное речеведение», представляющее собой «интегративную область специальных синтетических научно-практических знаний о речевой деятельности и ее результатах (продуктах речевой деятельности), подвергаемых экспертному исследованию» [там же, с. 11], по нашему мнению, в целом является реализацией концепции А.И. Вин-

берга и Н.Т. Малаховской, согласно которой судебная экспертология предполагает создание предметных судебных наук [20, с. 8].

Если перенести концепцию А.И. Винберга и Н.Т. Малаховской на зарубежный опыт использования специальных лингвистических знаний в судопроизводстве, можно утверждать, что предметная судебная наука, связанная с экспертным исследованием речи и продуктов речевой деятельности, создана и за рубежом.

В странах англосаксонского права (прежде всего в Великобритании и США) направление научных исследований связи языка и права носит название Forensic Linguistics. Р. Нордквист (Richard Nordquist) определяет это направление как применение лингвистических методов к праву, включая оценку письменных доказательств и языка законодательства [21]. М. Култхард (Malcolm Coulthard) и А. Джонсон (Alison Johnson) характеризуют Forensic Linguistics как многопрофильное междисциплинарное направление научных исследований, базирующееся на различных областях знаний: лингвистике, юриспруденции, психологии, антропологии и социологии [22, р. 6].

Впервые термин Forensic Linguistics был использован Я. Свартиком (Jan Svartvik) в публикации 1968 г. [23]. Он продемонстрировал, что спорные и компрометирующие части показаний, которые Тимоти Эванс (Timothy Evans) дал сотрудникам полиции по поводу смерти своей жены и маленькой дочери, имели стиль, значительно отличающийся от стиля неоспоримых частей заявлений. Проведенное лингвистическое исследование показало, что Т. Эванс на самом деле не давал показаний сотрудникам полиции. Таким образом, было доказано, что Т. Эванс невиновен [22, р. 5].

Термин Forensic Linguistics, возникший в связи с необходимостью установления авторства, в настоящее время обозначает разноаспектные направления экспертных лингвистических исследований:

- судебная фонетика (идентификация говорящего по голосу и звучащей речи);
- судебная стилистика (выявление слушателей плагиата);
- идентификация автора письменного текста;
- судебная семантика (установление значения единиц разных языковых уровней);

– судебная диалектология (исследования, направленные на определение происхождения говорящего);

– дискурс-анализ (анализ диалогического дискурса с целью определения коммуникативных ролей);

– исследование товарных знаков и других объектов интеллектуальной собственности [22, 24–31].

Из названий перечисленных направлений Forensic Linguistics видно, что все они в целом соотносятся с существующими в России родами судебных экспертиз, объектами которых являются речь и продукты речевой деятельности, а именно: с криминалистической экспертизой видео- и звукозаписей, судебной автороведческой экспертизой, судебной лингвистической экспертизой и судебной экспертизой объектов интеллектуальной собственности.

Другим аспектом интеграции научного знания является синтез разных областей знаний с целью выработки новых методов и методик для решения возникающих задач следственной и экспертной теории и практики. Сейчас междисциплинарные исследования наиболее востребованы, поскольку «использование потенциала разных наук существенно расширяет познавательные возможности исследователя и, соответственно, способствует полному и всестороннему исследованию объекта» [32, с. 7]. Ярким примером интеграции специальных лингвистических знаний и специальных знаний из других областей являются комплексные психолого-лингвистические судебные экспертизы, ставшие трендом в системе СЭУ Минюста России. На настоящий момент опубликованы две методики комплексной психолого-лингвистической экспертизы, позволяющие эффективно решать задачи следственной и экспертной практики [33, 34].

Заключение

Описанные нами процессы дифференциации и интеграции специальных лингвистических знаний, активно идущие в настоящее время в России и за рубежом, свидетельствуют о высокой востребованности таких знаний в судопроизводстве, стремлении наиболее эффективно, на качественном уровне решать экспертные задачи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галяшина Е.И. Судебное речеведение. Учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. 320 с.
2. Аверьянова Т.В. Влияние интеграции и дифференциации научного знания на теорию и практику судебной экспертизы // Публичное и частное право. 2017. № 1 (33). С. 160–169.
3. Леонтьев А.А. Речевая деятельность / Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 412.
4. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.
5. Вул С.М. Теоретические и методические вопросы криминалистического исследования письменной речи. М.: ВНИИСЭ, 1977. 109 с.
6. Вул С.М. Судебно-автороведческая идентификационная экспертиза. Методические основы. Харьков: ХНИИСЭ, 2007. 64 с.
7. Каганов А.Ш. Криминалистическая экспертиза звукозаписей. М.: Юрлитинформ, 2005. 272 с.
8. Изотова Т.М., Крюк Е.К., Кузнецов В.О., Плотникова А.М. Методические рекомендации по проведению судебно-автороведческих экспертиз. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2020. 48 с. <https://doi.org/10.30764/978-5-91133-219-8-2020-12>
9. Эдзубов Л.Г. Лингвистическая экспертиза судебная / Мультимодальное издание «Судебная экспертиза: перезагрузка». Ч. 2. Энциклопедический словарь теории судебной экспертизы / Под ред. С.А. Смирновой. М.: Эком, 2012. С. 173–174.
10. Галяшина Е.И. Судебные лингвистические экспертизы в контексте рекомендаций Пленума ВС РФ № 3 от 24.02.2005 г. / Спорные тексты СМИ и судебные иски. Публикации. Документы. Экспертизы. Комментарии лингвистов / Под ред. М.В. Горбаневского. М.: Престиж, 2005. С. 185–197.
11. Секераж Т.Н. Психологическое исследование информационных материалов: становление нового вида судебной психологической экспертизы и новой экспертной специальности // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. Т. 14. № 1. С. 35–43. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-1-35-43>
12. Баранов А.Н., Грунченко О.М. Семантическое сходство как один из аспектов лингвистической экспертизы товарных знаков // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2019. Т. 15. Ч. 1. С. 17–41.
13. Кузнецов В.О., Крюк Е.К. Разграничение компетенций эксперта-лингвиста и эксперта-автороведа при исследовании объектов авторского права и объектов смежных прав // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. Т. 14. № 3. С. 15–25. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-3-15-25>

REFERENCES

1. Galyashina E.I. *Forensic Speech Studies. Textbook*. Moscow: Norma, 2020. 320 p. (In Russ.)
2. Aver'yanova T.V. The Influence of Integration and Differentiation of Scientific Knowledge on the Theory and Practice of Forensic Science. *Public and Private Law*. 2017. No. 1 (33). P. 160–169. (In Russ.)
3. Leont'ev A.A. Speech Activity. In: Yartsev V.N. (Ed.). *Linguistic Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1990. P. 412. (In Russ.)
4. Leont'ev A.A. *The Basics of Psycholinguistics*. Moscow: Smysl, 1997. 287 p. (In Russ.)
5. Vul S.M. *Theoretical and Methodological Issues of Forensic Research of Written Language. Methodical Guide*. Moscow: VNIISE, 1977. 109 p. (In Russ.)
6. Vul S.M. *Forensic Authorship Identification. Methodical Basis. Methodological Guide*. Kharkov: KHNIISE, 2007. 64 p. (In Russ.)
7. Kaganov A.Sh. *Forensic Analysis of Sound Recordings*. Moscow: Yurлитinform, 2005. 272 p. (In Russ.)
8. Izotova T.M., Kryuk E.K., Kuznetsov V.O., Plotnikova A.M. *Methodological Recommendations for Conducting Forensic Authorship Examinations*. Moscow: RFCFS, 2020. 48 p. <https://doi.org/10.30764/978-5-91133-219-8-2020-12>
9. Edzhubov L.G. Forensic Linguistics. In: Smirnova S.A. (Ed.). *Multimodal Edition "Forensic Examination: Reboot"*. Part 2. *Encyclopedic Dictionary of the Theory of Forensic Science*. Moscow: Ekom, 2012. P. 173–174. (In Russ.)
10. Galyashina E.I. Forensic Linguistic Examinations within the Context of the Recommendations by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 of 24.02.2005. In: Gorbanevsky M.V. (Ed.). *Controversial Texts in Mass Media and the Lawsuits. Publications. Documents. Examinations. Commentaries of Linguists*. Moscow: Prestizh, 2005. P. 185–197. (In Russ.)
11. Sekerazh T.N. Psychological Analysis of Informational Materials: Establishing a New Type of Forensic Psychological Evaluation and a New Forensic Science Specialty. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2019. Vol. 14. No. 1. P. 35–43. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-1-35-43>
12. Baranov A.N., Grunchenko O.M. Semantic Similarity As One of the Aspects of Linguistic Analysis of Trademarks in the Field of Forensic Linguistics. *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*. 2019. Vol. 15. Part 1. P. 17–41. (In Russ.)
13. Kuznetsov V.O., Kryuk E.K. Demarcating a Linguistic Expert's and an Authorship Investigator's Competencies When Examining Copyright and Related Rights Objects. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2019. Vol. 14. No. 3. P. 15–25. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-3-15-25>

14. Смирнова С.А., Гулевская В.В., Омельянюк Г.Г. Судебная экспертиза объектов интеллектуальной собственности – новое направление судебно-экспертной деятельности Минюста России // Теория и практика судебной экспертизы. 2018. Т. 13. № 2. С. 16–26. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2018-13-2-16-26>
15. Омельянюк Г.Г., Гулевская В.В., Савенко А.С. Классификация объектов интеллектуальной собственности для целей судебной экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. Т. 14. № 1. С. 6–12. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-1-6-12>
16. Савенко А.С. Формирование судебной экспертизы интеллектуальной собственности в системе Минюста России // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Т. 15. № 3. С. 98–105. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-3-98-105>
17. Изотова Т.М. Программа подготовки экспертов по специальности 2.1 «Исследование письменной речи» / Профессиональная подготовка и повышение квалификации судебных экспертов в государственных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации: Методическое издание / Под общ. ред. Т.П. Москвиной. М.: ГУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2005. С. 47–61.
18. Основы судебной экспертизы. Ч. 1. Общая теория / Под ред. Ю.Г. Корухова. М.: РФЦСЭ, 1997. 432 с.
19. Аверьянова Т.В. Криминалистическая экспертиза / Криминалистика. Учебник в 2-х тт. Т. 1 / Под ред. А.И. Бастрыкина. М.: Экзамен, 2014. С. 208–209.
20. Винберг А.И., Малаховская Н.Т. Судебная экспертология (общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз). Волгоград: Изд-во ВСШ МВД СССР, 1979. 181 с.
21. Nordquist R. What Are Forensic Linguistics? Definition and Examples // ThoughtCo. January 29, 2020. <https://thoughtco.com/what-is-forensic-linguistics-1690868>
22. Coulthard M., Johnson A. An Introduction to Forensic Linguistics. Language in Evidence. London: Routledge, 2007. 256 p.
23. Svartvik J. The Evans Statements: A Case for Forensic Linguistics. Göteborg: Univ. of Göteborg, 1968. 44 p.
24. Gibbons J. Forensic Linguistics: An Introduction to Language in the Justice System. Oxford: Blackwell, 2003. 346 p.
25. Levi J. Language as Evidence: The Linguist as Expert Witness in North American Courts // International Journal of Speech Language and the Law. 1994. Vol. 1. No. 1. P. 1–26.
26. Olsson J. Forensic Linguistics. Trowbridge: Cromwell Pr., 2008. 256 p.
27. Shuy R.W. Linguistic Battles in Trademark Disputes. New York: Palgrave Macmillan, 2002. 208 p.
28. Shuy R.W. The Language of Defamation Cases. New York: Oxford University Press, 2010. 264 p.
14. Smirnova S.A., Gulevskaya V.V., Omel'yanyuk G.G. Intellectual Property Investigations: A New Area of Forensic Practice in the System of the Russian Ministry of Justice. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2018. Vol. 13. No. 2. P. 16–26. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2018-13-2-16-26>
15. Omel'yanyuk G.G., Gulevskaya V.V., Savenko A.S. Systematization of Intellectual Property Objects for Forensic Purposes. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2019. Vol. 14. No. 1. P. 6–12. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-1-6-12>
16. Savenko A.S. Formation of Intellectual Property Forensics in the System of the Russian Ministry of Justice. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2020. Vol. 15. No. 3. P. 98–105. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-3-98-105>
17. Изотова Т.М. The Program of Training Experts in the Specialty 2.1 “Analysis of Written Speech”. In: Moskvina T.P. (Ed.). *Professional Training and Advanced Training of Forensic Experts in State Forensic Institutions of the Ministry of Justice of the Russian Federation: Methodical Edition*. Moscow: RFCFS, 2005. P. 47–61. (In Russ.).
18. Korukhov Yu.G. *The Basics of Forensic Science. Part 1. General Theory*. Moscow: RFCFS, 1997. 432 p. (In Russ.).
19. Aver'yanova T.V. Forensic Examination. In: Bastrykin A.I. (Ed.). *Criminalistics. Textbook in 2 volumes. Vol. 1*. Moscow: Ekzamen, 2014. P. 208–209. (In Russ.).
20. Vinberg A.I., Malakhovskaya N.T. *Forensic Expertology (General Theoretical and Methodological Problems of Forensic Examinations)*. Volgograd: VSSH MVD SSSR, 1979. 181 p. (In Russ.).
21. Nordquist R. What Are Forensic Linguistics? Definition and Examples. ThoughtCo. January 29, 2020. <https://thoughtco.com/what-is-forensic-linguistics-1690868>
22. Coulthard M., Johnson A. *An Introduction to Forensic Linguistics. Language in Evidence*. London: Routledge, 2007. 256 p.
23. Svartvik J. *The Evans Statements: A Case for Forensic Linguistics*. Göteborg: Univ. of Göteborg, 1968. 44 p.
24. Gibbons J. *Forensic Linguistics: An Introduction to Language in the Justice System*. Oxford: Blackwell, 2003. 346 p.
25. Levi J. Language as Evidence: The Linguist as Expert Witness in North American Courts. *International Journal of Speech Language and the Law*. 1994. Vol. 1. No. 1. P. 1–26.
26. Olsson J. *Forensic Linguistics*. Trowbridge: Cromwell Pr., 2008. 256 p.
27. Shuy R.W. *Linguistic Battles in Trademark Disputes*. New York: Palgrave Macmillan, 2002. 208 p.
28. Shuy R.W. *The Language of Defamation Cases*. New York: Oxford University Press, 2010. 264 p.

29. Shuy R.W. *The Language of Murder Cases: Intentionality, Predisposition, and Voluntariness*. New York: Oxford University Press, 2014. 288 p.
30. Будаев Э.В. Зарубежная юридическая лингвистика: генезис дисциплины // Политическая лингвистика. 2019. № 1 (73). С. 122–126. <https://doi.org/10.26170/pl19-01-14>
31. Мужнина М.М. Лингвистическая экспертиза в Германии // Юрислингвистика. 2019. № 11 (22). С. 33–38. [https://doi.org/10.14258/leglin\(2019\)1107](https://doi.org/10.14258/leglin(2019)1107)
32. Смирнова С.А., Секараж Т.Н., Кузнецов В.О. Междисциплинарные исследования в судебно-экспертных учреждениях Минюста России: актуальные направления лингвистической и психологической экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12. № 4. С. 6–11. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2017-12-4-106-109>
33. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секараж Т.Н. Методика проведения комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. 98 с.
34. Гагина О.В., Кузнецов В.О. Методика психолого-лингвистического исследования видеоматериалов процессуальных действий: влияние на содержание показаний. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2020. 52 с. <https://doi.org/10.30764/978-5-91133-203-7-2020-4>
29. Shuy R.W. *The Language of Murder Cases: Intentionality, Predisposition, and Voluntariness*. New York: Oxford University Press, 2014. 288 p.
30. Budaev E.V. *Forensic Linguistics Abroad: Establishment of the Subject*. *Political Linguistics*. 2019. No. 11. P. 33–38. (In Russ.). <https://doi.org/10.26170/pl19-01-14>
31. Mushchinina M. *Linguistic Expertise in Germany*. *Legal Linguistics*. 2019. No. 11 (22). P. 33–38. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/leglin\(2019\)1107](https://doi.org/10.14258/leglin(2019)1107)
32. Smirnova S.A., Sekerazh T.N., Kuznetsov V.O. *Interdisciplinary Evaluations Performed by Forensic Science Organizations of the Russian Ministry of Justice: Current Trends in Forensic Linguistics and Forensic Psychology*. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2017. Vol. 12. No. 4. P. 6–11. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2017-12-4-106-109>
33. Kukushkina O.V., Safonova Yu.A., Sekerazh T.N. *Method of Conducting Complex Forensic Psychological and Linguistic Examination of the Affairs Connected with Counteraction to Extremism and Terrorism*. Moscow: RFCFS, 2014. 98 p. (In Russ.).
34. Gagina O.V., Kuznetsov V.O. *Methodology of Psychological and Linguistic Research of Video Footage of Proceedings: Influence on the Content of Statement*. Moscow: RFCFS, 2020. 52 p. (In Russ.). <https://doi.org/10.30764/978-5-91133-203-7-2020-4>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кузнецов Виталий Олегович – к. филол. н., к. юр. н., заведующий лабораторией судебной лингвистической экспертизы ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России; e-mail: v.kuznetsov@sudexpert.ru

ABOUT THE AUTHOR

Kuznetsov Vitaly Olegovich – Candidate of Philology, Candidate of Law, Head of the Laboratory of Forensics Linguistics of the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice; e-mail: v.kuznetsov@sudexpert.ru

Статья поступила: 22.06.2021
После доработки: 30.07.2021
Принята к печати: 20.08.2021

Received: June 22, 2021
Revised: July 30, 2021
Accepted: August 20, 2021